

М. А. Членов

**ЕЩЕ РАЗ ОБ «АВСТРАЛИЙСКОЙ КОНТРОВЕРЗЕ»
И МЕТОДИКЕ ЕЕ РАССМОТРЕНИЯ**

Статья Ю. И. Семенова «Проблема перехода от материнского рода к отцовскому (опыт теоретического анализа)»¹, содержащая ряд интересных построений теоретического характера, вызвала оживленную дискуссию, которая продемонстрировала, на мой взгляд, неослабевающую заинтересованность советских историков первобытности в разрешении некоторых спорных вопросов о характере социальной организации человечества на ранних стадиях его развития. Таким вопросом продолжает оставаться так называемая «австралийская контроверза», заключающаяся в существовании у аборигенов Австралии (традиционную культуру которых принято считать в теоретической этнографии весьма архаичной) счета родства по отцовской линии, т. е. патрилинейности, и базирующихся на ней форм социальной организации. Разрешение этого противоречия следует признать одной из насущнейших задач, стоящих перед учеными, защищающими концепцию об исконной изначальности и универсальной распространенности именно материнского счета родства в первобытном обществе. Попытку разрешить это противоречие предпринял один из наиболее видных сторонников этой концепции, Ю. И. Семенов, которому, в частности, принадлежит заслуга уточнения многих положений Л. Г. Моргана. Некоторые из построений Ю. И. Семенова я пытался прокомментировать в заметке «Можно ли считать австралийскую контроверзу разрешенной?» на страницах того же журнала². Ю. И. Семенов в ответной статье «Проблема исторического соотношения материнской и отцовской филиации у аборигенов Австралии»³ уточнил некоторые теоретические положения и позволил более четко представить систему аргументов в пользу предлагаемого им решения контроверзы. Рассмотрение системы доказательств, которыми пользуется Ю. И. Семенов, на мой взгляд, достаточно важно, так как оно показывает, какими путями происходит обогащение арсенала аргументов и доводов и в каких новых направлениях стремится развиваться теоретическая мысль сторонников изначальности материнско-родового строя.

Свою задачу Ю. И. Семенов видит в том, чтобы «...раскрыть новый, ранее неизвестный механизм превращения материнского рода в отцовский...» и доказать, «...что и у австралийцев отцовскому роду предшествовал материнский» (Семенов, 2, стр. 102). Первое положение, т. е. зависимость характера филиации от того, какой образ жизни, бродячий или оседлый, вел тот или иной народ к моменту зарождения

¹ «Сов. этнография», 1970, № 5 (далее ссылки на эту статью даются в тексте: Семенов, 1).

² «Сов. этнография», 1971, № 4.

³ «Сов. этнография», 1971, № 6 (далее ссылки на эту работу даются в тексте: Семенов, 2).

распределения по труду, уже был подвергнут критике в статье А. М. Хазанова⁴, поэтому я не буду касаться его сейчас.

Оба отмеченные Ю. И. Семеновым положения, т. е. как могло случиться, что бесклассовое австралийское общество пришло к созданию отцовского рода и каким образом отцовскому роду у них предшествовал материнский, и составляют вместе существо «австралийской контроверзы», которая, как справедливо подчеркивает Ю. И. Семенов, может существовать только для тех, кто придерживается концепции первичности и универсальности материнского рода. Это не лишает, конечно, противников этой концепции права употреблять этот термин, не вступая в противоречие с собственными воззрениями.

Как же решается эта контроверза Ю. И. Семеновым? В первой статье он прибег к построению формальной схемы, в которой из гипотетического состояния двух материнских родов; связанных отношениями группового дислокального брака, порожились брачные классы современных австралийцев. Схема эта, которая представлялась читателю (как выяснилось из второй статьи, совершенно напрасно) центральным моментом доказательства, была критически рассмотрена в моей заметке. Ю. И. Семенов полностью отверг эту критику, заявив: «Во-первых, вопрос о характере первоначального рода у австралийцев рассматривается в ...статье не в качестве самостоятельного, а как один из моментов более сложной проблемы, носящей теоретический характер. Во-вторых, матрилинейный характер первоначального рода аборигенов Австралии обосновывается вовсе не методом создания чисто формальных моделей. Наконец, в-третьих, М. А. Членову... не удалось даже чисто формально вывести брачноклассовую систему австралийцев из пары патрилинейных родов» (Семенов, 2, стр. 102). Из этой цитаты явствует, что доказательства, приведенные Ю. И. Семеновым для подкрепления гипотезы, следует искать в иной плоскости. Остановлюсь, прежде чем перейти к анализу основ аргументации, на этих замечаниях Ю. И. Семенова.

То, что вопрос об австралийцах является частью более крупной проблемы, к делу отношения не имеет. Речь идет о частной проблеме, решаемой на конкретном материале. Материал этот не может измениться в зависимости от теоретических воззрений интерпретатора. Так что первое возражение Ю. И. Семенова не может быть принято в качестве аргумента, опровергающего мои соображения. Второе замечание, очень полезное, говорит лишь о том, что та часть статьи (Семенов, 1, стр. 65, 66), которая была принята многими читателями за основную, на самом деле носит подчиненный характер и чисто формальная правильность ее не имеет решающего значения.

Таким образом, остается третье замечание, разворачивая которое Ю. И. Семенов приводит пространное изложение принципиальных различий между матрилинейными и патрилинейными группами и рассматривает, например, вопросы о соотношении брака и половых связей, биологического и социального отцовства, индивидуального брака и филиации, достаточно подробно дебатировавшиеся в специальной литературе. Все эти данные приведены для того, чтобы подчеркнуть, что «существование матрилинейной группы не предполагает с необходимостью наличия брачных отношений между индивидами», а «патрилинейная группа без индивидуального брака существовать вообще не может» (Семенов, 2, стр. 104). Вывод этот, при безусловной справедливости некоторых посылок, не соответствует тем не менее этнографической реальности. Так, например, если мы рассмотрим даже такой поздний, стойкий и последовательный случай «матрилинейной группы», как современная социальная организация минангкабау, то неизбежно

⁴ А. М. Хазанов, Природно-хозяйственные различия в каменном веке и проблема первичности материнского рода, «Сов. этнография», 1973, № 1.

придем к выводу о несомненном существовании в этом обществе индивидуального брака, при котором муж и жена, даже несмотря на то, что они не живут вместе, ведут общее хозяйство и воспитывают детей, хотя мужчина несет весьма существенные обязательства и в отношении своих «племянников», т. е. детей его собственного матрилинейного рода⁵. Отношения между родами регулируются при помощи механизма так называемого асимметричного коннубиума или «кольцевой связи», вместе с тем оставляя достаточную свободу в выборе брачного партнера. Совершенно аналогичный механизм межродовых брачных регуляций встречается и в патрилинейных обществах, например у батаков, сумбанцев, танимбарцев и др.⁶ С другой стороны, у австралийцев, у которых общество организовано по отцовско-родовому принципу, система брачных классов в гораздо большей степени приближена к так называемому «групповому браку». Хотя у австралийцев, как известно, существовала парная семья, выбор брачного партнера был крайне ограничен. При четырехклассовой системе мужчина мог выбирать жену только из одного класса; это неизбежно приводит к выводу, что в австралийском обществе наряду с индивидуальным браком имел место прочный союз между брачными классами, т. е. своего рода «групповой брак». Кроме того, известно, что в большинстве матрилинейных обществ роль отца и рода отца не является чисто формальной. Отец и муж не просто доведок к материнско-родовой системе, а, напротив, весьма важный функциональный элемент этой системы. Можно сослаться хотя бы на такое хрестоматийное матрилинейное общество, как кроу, где связи между детьми и отцами необычайно сильны, где родственники со стороны отца выполняют ряд важных функций в жизни ребенка. В частности, на них возлагается дача имени, защита и помощь в определенных условиях и т. д.⁷ В патрилинейных обществах часты случаи, при которых аналогичные функции возлагаются на род матери.

Все это, очевидно, говорит о том, что вывод Ю. И. Семенова чрезмерно категоричен, что следует видеть разницу между матрилинейными и патрилинейными обществами различных типов, а не рассматривать, скажем, гипотетический первоначальный материнский род и материнско-родовую организацию современных минангкабау как нечто одинаковое.

Но даже если бы все, что говорит Ю. И. Семенов, и соответствовало истине, все же непонятно, какое отношение это может иметь к той схеме, которую я пытался набросать в своей статье. Ведь Ю. И. Семенов в своей схеме (Семенов, 1, стр. 65, 66) оперирует материнскими родами и тем не менее применяет к ним понятия отца и мужа, в которых они, по его собственному заверению, не нуждаются. В моей же схеме в качестве исходных были взяты два отцовских рода, которые, как известно, без статуса отца и мужа существовать не могут. Что же не устраивает Ю. И. Семенова в этой схеме? Видимо, то, что исходным пунктом является отцовский род, так как на основании работ самого Ю. И. Семенова известно, что первоначальной формой социальной организации человечества была дуальная материнско-родовая система при господстве дислокального брака (Семенов, 2, стр. 105). Здесь мы впервые сталкиваемся с системой доказательств, идущей по замкнутому кругу. Существует гипотеза, в которой ход эволюции представляется таким-то и таким-то образом. В рамках этой гипотезы утверждается, что существовало определенное явление. Автор гипотезы развивает ее дальше для

⁵ P. E. de Josselin de Jong, *Minangkabau and Negri Sembilan. Socio-political structure in Indonesia*, Djakarta, 1960, p. 45—97; «Народы Юго-Восточной Азии», (серия «Народы мира. Этнографические очерки»). М., 1966, стр. 507—510.

⁶ F. A. E. van Wouden, *Sociale Structuurtypen in de Groote Oost*, Leiden, 1935; P. Drabbe, *Het leven van den Tanembarees. Ethnographische studie over het Tanimbarsche volk*, Leiden, 1940; J. C. Vergouwen, *The social organization and customary law of the Toba-Bataks of Northern Sumatra*, The Hague, 1964.

⁷ R. L.owie, *The Crow Indians*, N. Y., 1956, p. 18—22.

доказательства того, что данное явление действительно существовало, и пытается обосновать это ссылаясь на саму же гипотезу! Подобного рода система аргументации порочна по существу.

Ю. И. Семенов справедливо упрекнул меня в попытке декларировать существование системы двух отцовских родов, связанных групповым дислокальным браком. Я полностью согласен, что гипотеза о дислокальном браке излишня как применительно к данному рассуждению, так, по моему мнению, и вообще в теории первобытности. Гипотеза эта носит в целом умозрительный характер, ибо, во-первых, подкрепляется весьма ненадежными доказательствами, во-вторых, имеет скорее подсобное, чем самостоятельное значение, так как призвана главным образом подкрепить тезис о роде как об основной хозяйственной единице первобытности. Критикуя построения Ю. И. Семенова, я хотел максимально близко следовать его рассуждениям, и этот чисто полемический прием привел к появлению «дислокального брака» на страницах моей заметки. Вполне достаточно в качестве исходного пункта просто предположить два патрилинейных рода либо с произвольной локальностью, либо с матрилокальными правилами послебрачного поселения.

Локальность все же оказывается в данном случае весьма существенной. Попробуем предположить, что развитие бродячих локалей (этот не вполне удачный термин введен Ю. И. Семеновым) австралийцев происходило следующим образом. Каждый локаль состоял из представителей двух материнских родов *A* и *B*. Локаль 1, таким образом, включал в себя группу *1Ам* (мужчины из рода *A*) и *1Бж* (их жены из рода *B*). Локаль 2 соответственно состоял из групп *2Бм* и *2Аж*. Допустим, что брачное поселение утвердилось в матрилокальной форме. В этом случае дети *1Ам* и *1Бж* — *1Бм* по достижении определенного возраста должны были уходить из локаля (если они не хотели жениться на собственных сестрах *1Бж*) в поисках жен в другой локаль 2, где женились на женщинах группы *2Аж*, т. е. дочерях *2Бм* и *2Аж*, и оставались жить в локале 2. Соответственно мужчины из локаля 2, *2Ам*, переходили бы в локаль 1, где женились на женщинах *1Бж*. Как легко заметить, в локаль 1 в этом случае будут постоянно входить группы *1Бж* и *2Ам*, а в локаль 2 — *2Аж* и *1Бм*. Никаких брачных классов в этом случае не получается. Не получатся они и в случае, если мы предположим систему двух патрилокальных отцовских родов. Стало быть, для того чтобы посредством подобной схемы «породить» брачные классы, необходимо, чтобы линейность и локальность все же имели разные знаки. Я не буду утверждать, что эта разница является решающим условием для возникновения брачных классов вообще (вопрос об их возникновении достаточно сложен), но для данного логического построения это условие необходимо. Стало быть, для рассматриваемого случая возможны только два варианта: матрилинейность — патрилокальность или патрилинейность — матрилокальность.

Еще раз приходится вернуться к тому, что переход к патрилокальности в условиях гипотетического матрилинейного рода должен быть аргументирован. Ю. И. Семенов утверждает, что этому вопросу в его статье уделено специальное внимание на стр. 65 (Семенов, 2, стр. 109). Действительно, на этой странице читаем: «результатом ослабления отношений сусу было возникновение тенденции к замене перехода мальчика в группу дяди по матери переходом в мужскую группу отца, т. е. к оставлению его в родном локале» (Семенов, 1). Здесь, правда, ничего не говорится о патрилокальности, но проницательный читатель может понять, что раз мальчики остаются в локале, то девочкам из локаля придется уйти, дабы не нарушились экзогамные запреты, а уйти им остается единственно только к мужу в другой локаль. Хотя возможен вариант, при котором они вместо мальчиков будут уходить к дяде по

матери, но такой вариант Ю. И. Семенов не предусматривает. Все же и такое объяснение не убеждает в том, что этот процесс был необходим при бродячем образе жизни. Считается, что по мере того как крепили узы между отцом и детьми в локале, детям стало неудобно уходить к материнскому дяде. Но почему это оказалось неудобным для мальчиков, но удобным для девочек? То, что кажется сейчас естественным Ю. И. Семенову, а именно, что отец желал укреплять связь со своими сыновьями за счет своих дочерей, не могло казаться естественным тем гипотетическим австралийцам, у которых, наоборот, десятки, если не сотни поколений росли именно на том, что мальчики переходят с места на место, а девочки остаются всегда там, где и родились. Что же все-таки привело к такой решительной перемене ролей? Неужели только стремление мальчиков остаться с отцом?

Я не случайно упомянул о том, что переход к патрилокальности в условиях матрилинейного рода должен был быть особенно осложнен тем обстоятельством, что отцовство в условиях гипотетического группового брака должно было быть неясным. В своем ответе Ю. И. Семенов указывает, что социальное отцовство всегда ясно в условиях парного брака (Семенов, 2, стр. 109). При групповом же браке, пишет он, «...отцовство не всегда могло быть точно установлено» (Семенов, 1, стр. 60). Об установлении какого отцовства говорит в данном случае автор, неясно. Биологического? Но знание или незнание его, как он сам справедливо отмечает в другом месте, никакой социальной роли не играло. Социального? Но ведь появление такого знаменует собой появление парного и конец группового брака. Оставим на совести Ю. И. Семенова вопрос: о каком отцовстве идет речь в данном случае? Для нас важно то, что становление индивидуального брака должно было протекать одновременно с установлением какой-либо локальности, т. е. патрилокальность должна была как-то выкристаллизоваться еще при господстве группового брака. Каким образом? Этот вопрос все же остался неясным, несмотря на уверения Ю. И. Семенова в том, что ответ на него можно найти на стр. 65.

Рассмотрев возражения Ю. И. Семенова по поводу моего варианта формальной порождающей схемы, обратимся теперь к тому, как строит систему доказательств сам автор. Мы уже выяснили, что формальная схема не являлась для Ю. И. Семенова решающим аргументом в пользу существования у австралийцев изначального материнского рода, а лишь иллюстрировала его общие теоретические положения, в основе которых лежала посылка об универсальности материнского рода как изначальной стадии общественного развития. Соответственно и у австралийцев исходная точка была задана общей концепцией, которой придерживается автор. Доказывать это специально не надо, так как автор неоднократно подчеркивал, что первоначальный род «не мог не быть» материнским, «не мог существовать» вне дуальной организации и, следовательно, «первой формой брака был дуально-родовой брак, который по самой своей природе не мог не быть дислокальным» (Семенов, 2, стр. 105). Что же в таком случае надо было показать в социальной организации австралийцев? Очевидно, лишь то, что материнская филиация как-то присутствует и в ней. Как только это будет сделано, так, в соответствии с концепцией автора, будет доказана и изначальность материнской филиации. Сделать это, очевидно, достаточно легко. Существование «двойной филиации», в соответствии с которой каждый член общества считается принадлежащим сразу к двум унитарным группам (матрилинейной по линии своей матери и патрилинейной по линии своего отца), известно уже довольно давно: Еще со времен работ Ф. Гальтона появилась теория о том, что австралийские брачные классы обязаны своим возникновением именно «двойной филиации», т. е. наложению патрилинейной филиации на матрилинейную. Впоследствии эта теория была

развита в работах А. Б. Дикона, В. Е. Лоуренса и Дж. П. Мердока⁸. Ссылки на эти работы мы находим в обеих статьях Ю. И. Семенова. Так что сама идея о существовании двойной филиации у австралийцев не нова.

Но раз так, значит, либо материнская филиация предшествовала отцовской, либо отцовская — материнской, либо обе они возникли одновременно. Последнюю возможность Ю. И. Семенов вообще не рассматривает. Что же касается первых двух, то автор безоговорочно отдает предпочтение первой, руководствуясь следующими соображениями, которые, в сущности, и составляют основную систему доказательств Ю. И. Семенова. «Основываясь на том, во-первых, что по самой своей структуре материнский род более архаичен, чем отцовский, во-вторых, что науке не известен ни один случай перехода от отцовской филиации к материнской, в то время как зарегистрировано множество примеров обратного движения, в-третьих, что во всех известных обществах с двойной филиацией патрилинейность представляет собой явление более позднее, чем матрилинейность, можно сделать вывод, что у аборигенов Австралии развитие шло от материнского рода к отцовскому, а не наоборот» (Семенов, 2, стр. 108).

Первый аргумент, как известно, оспаривается многими исследователями, не только зарубежными, но и советскими⁹. В целом в этнографической науке было высказано много доводов против архаичности материнского рода. Изложение их на страницах этой статьи заняло бы слишком много места, так что я ограничусь лишь приведенными ссылками. Очевидно, что для исследователей, не придерживающихся концепции изначальности материнского рода, этот аргумент не может считаться весомым.

Утверждение, что науке не известен ни один случай перехода от патрилинейности к матрилинейности, не соответствует действительности. Такой случай известен, и даже не один. Переход от патрилинейных родов к матрилиейным совершился в 30-х годах XX в. у 18 южносуматранских этносов, среди которых самый крупный — реджанг. Этот случай описан в исследовании М. Джаспена¹⁰. Что касается реджангов, то здесь налицо как раз пример, подтверждающий, что материнская филиация может быть моложе отцовской. Таким образом, второй аргумент, несмотря на его кажущуюся весомость, также уязвим.

Наконец, третий аргумент о том, что везде, где существует двойная филиация, доказано, что материнский счет родства старше, чем отцовский, может вызвать только удивление. Кем доказано? Соответствующих ссылок в работе Ю. И. Семенова мы не находим. Нельзя же, действительно, делать такой вывод на основании цитаты из Дж. П. Мердока, приведенной на стр. 107 (Семенов, 2). Насколько мне известно, двойная филиация привела к образованию особых социальных групп, названных тем же Дж. П. Мердоком секциями, только в Австралии и на некоторых островах Меланезии. Выводы некоторых авторов, доказывающих большую архаичность именно материнского счета родства по сравнению с отцовским не стали общепринятыми. Следовательно, и

⁸ F. Galton, Note on the Australian marriage systems, «Journal of the Anthropological Institute of Great Britain and Ireland», vol. XVIII, 1889; A. B. Deacon, The regulation of marriage in Ambrym, «Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland», v. LVIII, 1927; W. E. Lawrence, Alternating generations in Australia, in: «Studies in the Science of Society», New Haven, 1937, p. 319—354; G. P. Murdock, Social structure, 2 ed., New York — London, 1965, p. 50—56.

⁹ R. M. Keesing, F. M. Keesing, New perspectives in cultural anthropology, N. Y., 1971, p. 161, 162; Н. А. Бутинов, Пянуасы Новой Гвинеи, М., 1968, стр. 182—188.

¹⁰ M. A. Jaspán, From patriliney to matriliney. A structural change among the Redjang of Southwest Sumatra, vol. 1—2, s. 1., 1964.

третий аргумент навеян скорее теоретическими воззрениями автора, нежели анализом конкретного материала.

Итак, мы имеем еще один пример системы аргументации, которая, по моему мнению, представляет собой порочный круг. Доказательство подменяется ссылкой на то, что требуется доказать. В математике подобная система доказательства и аргументации не признается правомерной. Я не вижу оснований, в силу которых она должна признаваться таковой в истории первобытного общества или этнографии.

* * *

Выдвигая альтернативную схему возникновения австралийских брачных классов, я не ставил себе целью доказать, что реальный исторический механизм возникновения этого своеобразного социального института был именно таков. Моей целью было всего лишь продемонстрировать, что можно представить себе этот путь и таким образом; можно, очевидно, и другими способами. Для меня, поскольку я не собираюсь здесь заниматься происхождением брачных классов, существенно другое. Модель, предложенная Ю. И. Семеновым, возможно, не хуже любой другой; более того, возможно, что все именно так и было, но следует доказать, что из всего множества теоретически мыслимых моделей только эта удовлетворяет всем условиям поставленной задачи. К сожалению, ни в первой статье Ю. И. Семенова, ни в его ответе на мою критическую заметку подобного доказательства нет.

ONCE AGAIN, ON THE «AUSTRALIAN CONTROVERSY» AND THE METHODS EMPLOYED IN ITS EXAMINATION

The article provides an analysis of the argumentation methods employed by those adhering to the conception of the primordial character of the matriarchal clan system; this is illustrated by Yu. I. Semionov's study dealing with the so-called «Australian Controversy». It is affirmed that in arguing his hypothesis about the way the transition from matri- to patriclan among the Australian aborigines came about, Yu. I. Semionov substitutes references to the hypothesis itself for its substantiation. Thus the argumentation represents a vicious circle and cannot be accepted as permissible and sufficient proof of the theoretical conceptions of the author thus criticized.
